

•
РЕТРО-ДЕТЕКТИВЫ
АНТОНА ЧИЖА,
ИВАНА ЛЮБЕНКО
И ИВАНА ПОГОНИНА

•

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

ДЕТЕКТИВЫ И. ЛЮБЕНКО:

Супостат
Маскарад со смертью
Тень Азраила
Убийство на водах
Тайна персидского обоза
Поцелуй анаконды
Кровь на палубе
Лик над пропастью
Серый монах
Киевский лабиринт

ДЕТЕКТИВЫ А. ЧИЖА:

Пять капель смерти
Жертва чистой красоты, или Аромат крови
Ва-банк для Синей бороды, или Мертвый шар
Ищите барышню, или Безжалостный Орфей
Холодные сердца
Рыцарь с черной лестницы, или Формула преступления
Тайна мадам Живанши, или Смерть мужьям
Опасная фамилия
Тайные полномочия
Смерть посит пурпур
Камуфлет

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• черновик Беса •

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественное оформление *Петра Петрова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
FlexDreams, LiliGraphie, Everett Historical,
Mark Carrel / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Любенко, Иван Иванович.

Л93 Черновик Беса : [роман] / Иван Любенко. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (Ретро-детективы
Антона Чиж, Ивана Любенко и Ивана Погонина).

ISBN 978-5-699-94801-7

Действие романа Ивана Любенко «Черновик Беса» происходит летом 1913 года. Присяжный поверенный Клим Ардашев по приглашению старого друга, петербургского издателя Толстякова, приезжает на отдых в Сочи. Но отдохнуть ему так и не удастся. В доме Толстякова паника, сам хозяин не может расслабиться ни на день, потому что ему и его близким угрожает смерть. И об очередной угрозе издатель узнает из новой главы романа, которую неизвестный автор, именующий себя Бесом, присылает в его дом. Все происходит, как описывает Бес в своем опусе: сначала погибает служащий Толстякова, потом кое-кто из его ближнего окружения... Следующую смерть Бес обещает самому хозяину. А кто умрет после него, гости?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94801-7

© Любенко И., текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Внучке Софии посвящается...

• 1 •

ПИСЬМО

Вторник, 25 июня 1913 года

Все утро в Ставрополе лил дождь, только к обеду серые тучи нехотя расступились и пропустили улыбочивое солнце. Июнь заканчивался. В это время года, в пору суховеев и пыльных бурь, город обычно замирал, и затишье это продолжалось до самого сентября. Состоятельные горожане старались выбраться к морю или на воды. Остальные жители гуляли вечерами в главном городском саду, катались на лодках по Архиерейскому пруду или ставили самовары в собственных дворах под раскидистыми яблонями и грушами.

Пожалуй, 1913 год стал самым счастливым для Ставрополя. Такого сытного и безмятежного времени не было раньше, не будет его и потом. Строились новые особняки и доходные дома, мелкие кустарные мастерские превращались в заводы и фабрики. Урожай пшеницы в губернии был рекордным. Успешно продолжалось строительство Армави́ро-Туапсинской железной дороги, соединяющей хлебные районы степного Кавказа

и новый порт на Черном море, ставший, помимо уже затоваренного зерном Новороссийска, еще одним экспортным окном страны.

Присяжный поверенный окружного суда Клим Пантелеевич Ардашев находился в Ставрополе, хотя финансовых затруднений не испытывал. Все последние дни он участвовал в судебных заседаниях по делу клиента, несправедливо обвиненного в подделке чужих векселей. Вчера присяжные вынесли оправдательный вердикт, и теперь можно было подумать об отдыхе.

Клим Пантелеевич сидел в своем кабинете, пил чай и просматривал утренние газеты. «Северокавказский край» едва справлялся с рекламой. Кричащих зазывных квадратов и прямоугольников с огромными буквами и рисунками было так много, что эти мини-афиши уже занимали не только первую и последнюю страницы, но переселились на вторую и даже на третью. «Ювелирный и часовой магазин Яременко» на Николаевском, 43, предлагал золотые и серебряные часы «Г. Мозер и К°», «Омега» и «П. Буре», купец Бедросов продавал велосипеды «Свифт» с английскими мотоциклетными моторами, а чугунолитейный механический завод «Адольф Шмидт и К°» расхваливал самый ходовой товар для мельниц — «надежные жерновые поставы». Деловые объявления сменялись рекламой развлечений: «Цирк Ж.А. Труцци» заехал в губернскую столицу и обещал дать только восемь представлений. В Воронцовской роще, на открытой сцене театра М.С. Пахалова, три раза в неделю давали концерт-

варьете «Забывтая любовь», поставленный французским режиссером Жоржем Рантье. Зверинец В. Туревича разместил свои клетки на Александровской базарной площади. «Посетители могут увидеть: слона с острова Цейлон, до полутора десятков львов разных пород и возрастов, пум, гиен полосатых и пятнистых с мыса Доброй Надежды, оленей-мускус, ламу, кенгуру, дикобразов, антилопу, армадилл-броненосца, енота, разных пород медведей, волков и других млекопитающих. Помимо того, афишей обещаются интересные представления с участием укротителей и дрессировщиков этих животных».

Другая газета — «Русское слово» — извещала, что в Севастополе «воздушная флотилия из пяти аэропланов совершила перелет через Евпаторию в Симферополь и обратно». Чуть ниже выделялась заметка об участниках «кругового автомобильного пробег по России». Застигнутые сильным ураганом по пути из Самары в Саратов автомобилисты были «принуждены ночевать в степи. Лишь поздно вечером следующего дня они прибыли в город».

Дверь кабинета открылась, и в комнату вошла супруга.

— Клим, принесли заказное письмо с уведомлением о вручении. Я расписалась за тебя. — Она протянула конверт.

— О! Из Сочи. Сергей Николаевич прислал! — воскликнул Ардашев и вскрыл послание костяным ножом.

— Я пойду? — тихо спросила Вероника Альбертовна.

— Останься. Кстати, Надежда Алексеевна тебе давно писала?

— Мы обменялись открытыми письмами на Рождество.

— Так-так... — Ардашев развернул лист почтовой бумаги и принялся читать:

Здравствуйте, дорогой Клим Пантелевич!

Как там Вы? Как Вероника Альбертовна? Мы с женой уже соскучились по Вам. Приезжайте! Места у меня, как Вы знаете, предостаточно, да к тому же второго такого парка, как устроил я, в Сочи не найти. Будем гулять среди пальм и кипарисов, плавать в море, а вечерами сидеть на террасе, потягивать кофе с коньяком, грустить и ругать правительство. И совсем не важно какое! А потом сразимся на бильярде. Только с Вас фора в три шара. Договорились?.. Вот уже сколько времени минуло, а Вы так ни разу у меня и не гащивали, хотя обещания о приезде давали каждый год. Уверен, Вам здесь так понравится, что не захотите более никаких средиземноморских круизов. А Веронике Альбертовне передайте, что у меня теперь свои купальни на море имеются. Да-с, разжился. Так что присутствие посторонних полностью исключено. И никто, кроме чаек, наших дам не потревожит. А помните, как Чехов описывал море в Вашем любимом рассказе? «Вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса...» Так вот: с верхней галереи моего парка открывается чудный вид на сочинскую бухту. И лунную дорожку можно наблюдать каждый вечер. Решайтесь, дорогой мой! Вот очутитесь здесь

и напишете какой-нибудь приключенческий роман этак на двадцать-тридцать авторских листов, а? Помню, Вы рассказывали мне про сокровища. Отличный сюжетец! Глядишь, и гонорар получите такой, что сам сочинитель Горький впадет в уныние... Давненько Вы не баловали «Петербургскую газету» литературными новинками. Присылайте, напечатаю быстро. Да что там раздумывать? Собирайте чемоданы.

Р.С. Признаюсь, меня гложет дурное предчувствие... Подробности расскажу при встрече. Приезжайте всенепременно, очень Вас прошу.

*Ваш старый и верный друг С.Н. Толстяков.
23/VI-13 г.*

— У меня, собственно, в ближайшее время никаких дел нет, — задумчиво выговорил Ардашев. — Можно и съездить. Сергей Николаевич что-то хандрит... Сочи хоть и маленький городок, но, говорят, очень приятный, и климат там чудесный.

— Я с удовольствием. Ты ведь знаешь, как я мучаюсь в этом губернском захолустье. Тут же всего две порядочные улицы — Николаевский проспект и Александровская. Стоит отойти на полверсты от губернаторского дома, как перед тобой открывается настоящая южная деревня: крытые камышом хаты, куры, норовящие угодить под колеса извозчичьих пролетов, бабы в платках... Движений, жизни, интересов — никаких. Тихая скука.

Заезжих театров мало, а местных лицедеев уже видеть не могу. У меня от них скулы сводит, как от лимона. Возьми хотя бы нашу первую театральную величину – Сашку Ростовского. Человек с гуттаперчевой совестью. Он не только в обществе жеманничает, но и на сцене кривляется. На премьере «Дяди Вани» купчихе Меснянкиной воздушный поцелуй послал. А знаешь почему? Потому что благодаря ей он главные роли получает. Муж-то ее театру немало ассигнует. Вот старая гримза и решает, кому в новых спектаклях играть, а кому губы кусать от зависти за кулисами. Ну, нравится ей, когда смазливые актеришки ее сморщенные ручки целуют. – Вероника Альбертовна поднялась, подошла к окну и вымолвила раздраженно: – Господи, да как же мне этот Ставрополь надоел!

– Не нравится – уезжай, – сухо выговорил Клим Пантелеевич.

– Без тебя?

Ардашев промолчал.

Опустив глаза, супруга пролепетала:

– Ну прости меня, Клим, прости. А в Сочи я с радостью...

– Хорошо. Стало быть, завтра и поедем. Пошли Варвару за билетами. До Новороссийска доберемся поездом, а дальше – паромом. Пусть покупает первый класс. А сейчас мне надобно работать.

– И все-таки, вижу, ты на меня обиделся... Ладно, не буду мешать.

Вероника Альбертовна вышла, оставив мужа одного.

«Вероятно, у Сергея Николаевича что-то стряслось, — мысленно заключил Ардашев. — Не помочь ему я не могу. Он, безусловно, замечательный человек. В свое время обратил внимание на мои первые литературные начинания и с тех пор печатает в «Петербургской газете» все, что я написал. К тому же давно и настойчиво зовет к себе; да и наши жены отлично ладят».

• 2 •

В ПУТИ

Новая Армави́ро-Туапси́нская железная дорога еще строилась, и попасть в Новоросси́йск можно было только через станцию Кавказскую по Владикавказской железной дороге.

Купе первого класса обошлось Ардашевым в месячное жалованье кузнеца или слесаря — почти тридцать рублей. На отдыхе Кли́м Пантеле́евич не экономил.

Дорога пролетала незаметно благодаря тому, что в руках у присяжного поверенного был седьмой том полного собрания сочинений А.П. Чехова. Вероника Альбертовна была увлечена чтением очередного любовного романа. Время от времени она огорченно вздыхала. Видимо, на первых страницах ее героине отчаянно не везло.

Поезд покачивало, и в стаканах постукивали чайные ложки. В купе стоял легкий запах линкруста — смеси канфоли и воска. За вагонным окном пейзаж был самый простой: степь, редкие жидкие рощицы, кустарник, поля с рожью и снова степь. Изредка попадались бесчисленные отары овец, охраняемые чабанами в косма-

тых шапках, с огромными собаками, превосходившими в холке самого большого барана. «Здесьней природе явно не хватает влаги, — глядя в окно, думал Ардашев. — Главные реки губернии — Большой Егорлык, Калаус и Кума полноводны только весной, в остальное время года почти пересыхают. Речная вода из-за насыщенности солями тоже имеет солоноватый привкус. Крестьяне северо-восточных районов иногда даже не могут вдоволь напоить скот. Помнится, еще в 1871 году инженер Агапов разработал проект Кубано-Егорлыкского канала протяженностью в шестьдесят три версты. Канал должен был напоить тринадцать сел Медвеженского уезда, два села Ставропольского уезда и три станицы Кубанской области. Стоимость всех работ указывалась точно: 482 566 рублей 70 копеек. Только проект так и остался на бумаге. Желających ассигновать в него средства не нашлось. Вот и мучается ставропольская земля от засухи и безводья».

На стрелках поезд подрагивал. Показались привокзальные строения. Изрядно попыхтев, локомотив остановился. Послышался звон станционного колокола. На отдаленных путях надрывно стонали паровозы.

— Станция «Кавказская». Стоянка один час. Извольте обедать! — прокричал проводник.

Одноэтажное здание вокзала отличалось продуманной архитектурой с некоторой претензией на роскошь. Выстроенное из красного кирпича с рядом высоких окон, оно постепенно переходило в величественное